

На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы

Настоящая статья — еще один познавательный шаг в сложной эпистемологической траектории, заданной следователем объектом, — транслингвальной литературе. Термин, транспортированный в российскую науку из западного научного дискурса, по-прежнему нуждается в осмыслении и уточнении с учетом ряда экстралингвистических факторов постсоветского пространства, которые не позволяют использовать его как абсолютный эквивалент научного конструкта, разрабатываемого зарубежными коллегами. Произведя анализ корпуса научных статей ведущих ученых, мы пришли к выводу, что дедуктивная логика, которой руководствуются зарубежные коллеги, не совпадает с принципами, диктуемыми постсоветской модерностью. Отсюда — дискуссионность статьи и ее основная цель: рассмотреть многообразие подходов к транслингвальной литературе, активно применяемых в западной и российской науке. Среди задач статьи — формирование своеобразной «навигационной карты» подходов для исследователей, изучающих транслингвальную литературу как в России, так и за рубежом; обоснование базовых отличий между социокультурными локалами, из которых произрастает транслингвальная литература; постановка дискуссионного вопроса об уточнении гипонимов рассматриваемого термина на постсоветском пространстве (русскоязычная или русскофонная литература). В нашей работе предпринята попытка ответить на поставленные вопросы, опираясь на обширный исследовательский контекст зарубежной и российской науки.

Ключевые слова: транслингвизм, транслингвальная литература, русскоязычие, русскофонная литература.

This article is further cognitive step in a complex epistemological trajectory set by the research object “translingual literature”. This term, transported into Russian science from Western scientific discourse, still needs to be understood and clarified taking into account a number of extralinguistic factors of the post-Soviet space, which do not allow us to use it as an absolute equivalent of a scientific construct developed by foreign colleagues. After analyzing the corpus of scientific articles by leading scientists, we came to the conclusion that the deductive logic, which is guided by researchers from the far abroad, does not coincide with the principles that post-Soviet modernity dictates to us. Hence — the controversial nature of the article and its main goal: to consider the variety of approaches to translingual literature that are actively used in both Western and Russian science. Among the objectives of the paper — the formation of “navigation map” of approaches for researchers studying translingual literature both in Russia and abroad; substantiation of the basic differences between socio-cultural locales from which translingual literature grows; the formulation of a debatable question about the clarification of the usable hyponyms of the term in the post-Soviet space (Russian-language or Russophone literature). In our work, an attempt is made to answer these questions based on the extensive research context of foreign and Russian science.

Keywords: translanguism, translingual literature, Russian-language literature, Russophone literature.

Вводная часть

Изучение различных подходов к изучению процессов транскulturации, воплощенной в транслингвальной литературе, обусловлено необходимостью расширения контекст-площадки¹, в рамках которой подвергается осмыслению русскоязычный опыт литературного би-, транслингвизма. Это уникальное явление не поддается изучению лишь в рамках сложившегося европейского нарратива Нового времени и логики европейской модерности. Подробное изучение корпуса научных работ по этой проблематике (мы проанализировали более 200 работ ведущих исследователей) подтверждает тезис М.В. Тлостановой о том, что создаваемая в постсоветских локалах транскulturальная литература не может быть рассмотрена в рамках западных постмодернистских дискурсов *иного* и постколониальных теорий [1].

Ретроспективный анализ — начальный этап

Вопросами художественного транслингвизма занимаются ученые разных регионов мира, среди которых S. Kellman, M. Weininger, P. Harris, M. Sorvari, J. Dutton, B. Wang, W. Larson, G. Barnes-Karol,

¹ Контекст (Contest-) — эд. дискуссия, спор.

V. Murthy, T. Hutters, L. Liu, J. Carbonell, Y. Yang, D. Lee, D. Gramling, I. Hepkaner, L. Alvarado, N. Vehabovic, C. Helot, K. Kim, G. Park, R. Wilson, K. Lee, F. De Donno, J. Hansen, C. Vorger, L. Amiri, N. Bachleitner, A. Rahimi, Y. Elhariry, D. Dorfman, S. Oi, M. Allan, E. Fishman, N. Moll, M. Azuaje-Alamo, V. Parente-Capkova, P. Lappalainen, M. Codeluppi, D. Soler, R. Gilmour, C. Bruno, A. Mahmoud, P. Sica, T. Barrera, M. Pajevic, S. Li, D. Green, I. de la Puente, L. Case, E. Lim, A. Wachtel и мн. др.

Некоторые исследователи сосредоточены на проблемах отдельных «ветвей» транслингвальной мировой литературы. Так, франкофонную литературу изучают E. Bauer, C. Edwards, G. Muller, R. Celestin, M. Conde, G. Francis, S. Bell, B. Doyon-Gosselin, N. Ferreri, R. Martinez, L. van Nuijs, A. Miraglia и др. Вопросам испанофонной литературы посвящены работы U. Hennigfeld, E. Calderwood, J. Boamong, S. England, A. Campoy-Cubillo, G. Parrilla, A. Brickhouse, A. Lifshay, S. Albuquerque, J. Borst, N. Goldberg. В меньшем объеме отрефлексирована азиатская транслингвальная литература (R. Pu, H. Li, S. Qi, W. Liu, H. Uszkoreit, C. Wang, M. Codeluppi и др.).

Еще меньший объем представлен научными исследованиями в области российской би-, транслингвальной литературы. В авторитетной базе данных Web of Science на сегодня представлено лишь восемь работ по заявленной проблематике², что связано, по всей видимости, с неустоявшейся дефиницией. По нашим наблюдениям, работ по этой теме множество, но рабочие определения разные [2]. Так или иначе, налицо факт недостаточности научной рефлексии в отношении исследуемого объекта. Этот пласт литературы уникален своими особенностями, незаемными художественными моделями, которые формировались на протяжении веков на территории Российской империи, позже советского государства, а ныне в пределах постсоветских локалов. Здесь осуществляются культурные контакты, уникальные коммуникативные кодовые переключения, культурные, гибридные модели и структуры, рождаются социокультурные феномены и особая полилингвальность — (поли)русскофония. Попытки оценить их с позиции постколониальных дискурсов не продуктивны. Паттерны знания, аккумулярованные в пределах западных источников, остаются для нас контекстными текстами, но онтологии и космологии разно-национальных культур — эстетические феномены, воссозданные в русской «языковой оболочке», нуждаются в формировании жизнеспособного дискурса, в рамках которого следует переосмыслить и современное, и прошлое, сброшенное в «авоську (многонациональной) советской литературы» (Т. Толстая).

Этап второй – контекст-площадка: подходы зарубежных коллег и наши рефлексии

По мнению ряда ученых, например M. Weininger [3], транслингвальная литература преодолевает само понятие «родины». Внутри нового интерзонального конструкта рождается и новая идентичность — внеэтническая и надтерриториальная. О связи транслингвизма с поиском идентичности, процессами транскulturации и формированием интерлокалов, главным образом культурных, свидетельствуют многие работы (в частности, См.: [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]).

Установочно-предпосылочный этап анализа подводит нас к выводу о том, что феномены транслингвизма изучаются коллегами путем логических построений от общего к частному — дедуктивным методом; отдельные практики рассматриваются сепарированно (на уровне творческого письма, стиля, метода). Но исследователи единогласны в одном: транслингвальная литература позволяет нам увидеть мир в многообразии «сплетений», коих монолингвальная литература лишена. Так, Р.К. Пу и Х.Ф. Ли отмечают, что творческая письменная практика китайских авторов на английском языке совмещает в себе черты гибридности, разнообразия и неоднородности, выходит за рамки обоих языков за счет использования творческих ресурсов первичного языка в языке-трансляторе. Эстетические коннотации с генеративным полем первичной культуры

² URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/summary/9a34f8b0-9397-4c14-9877-3e1c66fdd356-116f5e57/relevance/1> (по состоянию на 20.11.2021).

«расширяют выразительное поле английского языка и обогащают всю мировую литературу» [12. P. 257]. Транслингвизм при этом рассматривается как «творческое кросскультурное письмо».

Заявленный подход продуктивен. Мы согласны с тем, что через усвоенный язык вовне транслируются образы мира, которые, по мнению франкоязычного карибского интеллектуала Э. Глиссана, можно отнести к непрозрачным элементам исходной культуры. Представляя собой архетипический субстрат этноса, кристаллизованный в многообразии литературных элементов разного уровня — от жанра художественного целого до отдельных инкорпорированных лексических элементов с культурным содержанием, — этноязыковая картина мира способна органически вписаться в материю другого языка, творчески преобразовать и обогатить ее, дать новый импульс языку путем гибридизации, «перекрестного опыления» и других способов подчинения доминирующего языка [1].

С. Келлман как апологет транслингвального воображаемого сравнивает постулат «один народ — один язык» с деревянным приспособлением, с помощью которого врачи осматривают горло — депрессором, выводя из медицинского термина дополнительное значение — «угнетение». Когда губернатор Техаса в 1917 г. выступил против финансирования обучения иностранным языкам, настаивая на монолингвальной парадигме образования, это было, по словам ученого, именно «угнетение». Апеллируя к тезису Л. Витгенштейна, Келлман пишет: «Пределы моего языка означают пределы моего мира; угнетатели языка обрекают себя на ограниченную Вселенную». Келлман связывает феномен транслингвизма с художественным билингвизмом, настаивая, что большинство творческих языковых личностей в мире в силу различных экстралингвистических факторов двуязычны. Но так как творчество требует колоссальных когнитивных усилий, писатель обращается к тому языку, который знает лучше всего, языку, на котором происходило его обучение [13. P. 6].

Художественный билингвизм, действительно, является плодотворной почвой для последующего трансязыкового творчества писателя, хотя само это явление гораздо шире описываемого. Творческая практика способна развиваться на обоих языках писателя в соответствии с его выбором и мотивацией. Так или иначе, определенные периоды творческой биографии конкретной личности неравновесны в языковом отношении: одному из языков отдается большее предпочтение в зависимости от контекста бытования. «Раннее усвоение двух или более языков может наложить печать на все последующее развитие ребенка и взрослого», — отмечает Вяч. Вс. Иванов, приводя билингвальный опыт из языковых биографий Пушкина, Тютчева и ряда зарубежных поэтов.

Проведенные в последние десятилетия нейролингвистические исследования показали, что при полном сходстве функций двух языков в многоязычном обществе (например, английского и китайского в Сингапуре) они почти одинаковым образом представлены в доминантном полушарии. Но возможны и ситуации не только разделения языков по полушариям, но и наличие нейролингвистического конфликта между ними [14. С. 125, 126].

Если писатель способен эстетически упорядочивать действительность в формах двух языковых систем, его называют амбилингвальным; если формой выражения становится усвоенный язык, писателя относят к изолингвальным. Постсоветская литература предъясвляет нам факты, соотносящиеся с обеими этими дефинициями: тувинец Э. Мижит пишет на тувинском и русском, казахи Р. Сейсенбаев, А. Кодар — на русском и казахском. Их современник Б. Каирбеков — преимущественно на русском, однако транслингвальность его поэтических и креолизированных (прим.: семантически осложненных, таких, как образцы видеодискурса, поэзия, атрибутированная фото-материалами, и др.) текстов расширяется до транскультуральности: например, отобранные для поэтических текстов элементы, даже лишённые «говорящих внутренних коннотаций», эксплицируются и разворачиваются до аутентичных образов казахской культуры, скрытой в слоях палимпсеста и ждущей вдумчивой и бережной развертки [15].

Исследователь скандинавской литературы М. Сорвари определяет транслингвизм через метафору «on both sides». Изучая творчество русско-финско-шведской писательницы Зинаиды Линден, Сорвари отмечает, что выбор автором языка (шведского) не влияет на тот факт, что в ее

текстах продолжают осмысливаться факты первичной культуры, истории и литературы (русской), а потому нецелесообразно квалифицировать Линден ни как русскую, ни как шведскую писательницу. Транслингвизм, резюмирует Сорвари, — *литературный стиль по обе культурные стороны* [16. Р. 158].

По нашему убеждению, понятие транслингвизма концептуально шире литературного стиля. Кроме того, единовременное «расположение» языковой личности по обе стороны лингвокультур не учитывает важного аспекта: ее динамического перемещения. По Ю.М. Лотману, культурный герой, в отличие от большинства субъектных элементов мифа, наделен способностью к перемещению. Остальные персонажи мифологического сюжета обусловлены топосом своего бытования и привязаны к нему, выполняя роль функции того или иного пространства. Транслингвальный писатель не детерминирован топосом — языковым или культурным. Подобно культурному герою, он способен перемещаться между пространствами, трансформируя каждое из них и творчески преображая себя. В этом отношении транслингвизм целесообразно рассматривать как коммуникативный мост, средство перемещения, портал. Овеществляя свое творчество в языке усвоенном, писатель не находится единовременно «по обе стороны», как полагает Сорвари, однако культурный багаж неизменно переносит в усвоенный язык по принципу *Omnia mea mecum porto*. Этот процесс можно обозначить как трансфер. Интересна в этом контексте модель чикано-философа и поэта Г. Ансальдуа, связанная с концептом «и то, и другое», пограничья не как пересечения границы пространственной или временной. Ее художественная рефлексия направлена на создание не́что из внеположенности и отчуждения — новой среды обитания в культурном и психологическом смысле [17].

Если Сорвари рассматривает транслингвизм как литературный стиль, то специалист по французской литературе Ж. Дютон видит в этом явлении новый виток развития общества.

Мировая литература на французском языке, — пишет Дютон, — существует со времен «Песни о Роланде», однако в настоящее время в ее адрес появилось больше критики, чем когда-либо прежде. Это связано с явлением транслингвизма как выбором языка для литературного выражения и его взаимодействием с другими языковыми, культурными и стилистическими влияниями. 16 марта 2007 г. по инициативе Мишеля Ле Бри и Жана Рио 44 выдающихся литератора подписали и опубликовали манифест 'Pour une littérature-monde en français', что наметило поворот от франкоязычного *монда* к транслингвальной эпистеме, включающей постколониальные, транснациональные и транскультурные исследования. Изучение пересечений и интерференций в этой области имеет основополагающее значение для понимания того, как эти аспекты способствуют переоценке и реконфигурации мировой литературы на французском языке и последующему транслингвальному повороту. Борьба за переход от единства к разнообразию — это дилемма, которая актуальна для каждой концепции в данной области, в значительной степени определяя применимость и долговечность этой концепции как конструктивного дополнения к французским исследованиям [18. Р. 404].

Мировая литература на французском в противовес литературе франкофонной — попытка пишущих на французском языке авторов вне метрополии выбраться из «тисков» имперского центра. Это своего рода стратегия децентрированного «бунта», главной целью которой служит выход за пределы единого центра — Франции — к «центрам во всех четырех сторонах света». Несмотря на то что у термина *франкофония* появились негативные коннотации, он по-прежнему стабилен. Главным его структуром остается денотативный элемент «вне»: произведения на французском вне Франции. С точки зрения миграционных процессов, происходящих в мире, а также постколониального опыта, это существенно. Однако наметившийся поворот к эпистеме транскulturации и транслингвальным практикам свидетельствует о том, что западные интеллектуалы стремятся сгладить «острые углы» и также находятся в поиске более надежных определений для описания исследуемых процессов.

Иной подход видим у В. Вонг, сравнивающей транслингвальные практики в культуре с процессами, происходящими на общемировом рынке товаров и услуг. «Если нас не интересует в той степени,

как раньше, в какой стране произведен тот или иной товар, будь то Америка или Япония, не дает ли это нам большей критической свободы для осмысления культурных продуктов?» [19. Р. 283].

Возможно, ориентированная на масс-маркет литература квалифицирует творчество писателей, в том числе транслингвальных, как культурный продукт. Так, литературовед А.В. Жучкова, анализируя произведение Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», отмечает, что произведение «сделано» по стандартам добротной массовой литературы с целью дальнейшей экономической реализации, и в этом смысле оно действительно может быть приравнено к «культурному продукту» [20].

Однако с этим тезисом мы не склонны соглашаться в целом ряде случаев, свидетельствующих об отсутствии стремления писателей «удивить» читателя фактами диковинного бытия «иномирца». Словами Б. Каирбекова, они пишут «кровью сердца»⁵ — сердца, бьющегося в ритме родной культуры, и, добавим — осознания различий двух языковых систем. Абсолютная непреодолимость человеком власти родного языка (Л. Вайсгербер), бессилие иноязычия перед голосом крови (А. Кодар) раскрывается в разговоре о феномене «материнского» языка, обладающего «свойством непрерывности, бесконечности». По М. Мамардашвили: «куда бы мы ни шли, мы не можем отступить от своего бытия в ней. И куда бы мы ни пришли, мы остаемся внутри этой бесконечности» [21. С. 85]. В этом контексте настаивать только на прагматической транспортировки экзотизмов в ткань русского языка (или, что еще хуже, оценивать это как интерференцию), рассматривать литературу лишь под зонтиком основного элемента глобализации — рынка — едва ли корректно. Пафос рыночного и националистического не превалирует над «голосом крови» в творчестве *абхазца* Ф. Искандера, *балкарки* Р. Кучмезовой, *бурята* Н. Нимбуева, *долганки* О. Аксеновой, *киргиза* Ч. Айтматова, *казаха* О. Сулейменова, *ненки* А. Неркаги, *нивха* В. Санги, *чукчи* Ю. Рытхэу, *юкагира* Н. Курилова и мн. др., но обнаруживаются воссозданные в иной «языковой оболочке» свои эпистемологии и миры культур, не поддающиеся изучению в рамках канонов национальных литератур. В этом контексте актуализируется ставшее «хрестоматийным» сожаление Н.Л. Лейдермана о том, что

мы даже не умеем ценить то великолепное культурное явление, которое родилось на почве духовного сообщения разных народов, что волею судьбы были собраны в российском государстве. Я имею в виду так называемую «русскоязычную литературу»; поразительный феномен <...> уникальные сплавы национальных менталитетов и национальных культур украинцев, евреев, киргизов, азербайджанцев, узбеков, казахов, ненцев, нивхов, чукчей <...> [22. С. 61–62].

Для исследователей карибской литературы вопрос о выборе языка связан с поиском идентичности. Так, Л. Альваро утверждает, что для поэтов Карибского региона (в частности, Педро Пьетри и Камау Бретуэйта) и опыт проживания «внутри колониальной истории», и опыт эмиграции сходен; и даже если вынужденно ретранслируемый язык текста лишен зримой транслингвальной перспективы, интертекстуальные отношения внутри эстетического целого восходят к единственной культурной идентичности — «природной». Язык, религия и культура, по мнению Альваро, разыгрываются на уровне культурных сценариев даже в стихотворениях с космополитическим наполнением [23. Р. 50].

Поиск своего места в мире, обусловленный чувством постоянной «внедомности», «внеаходимости», характерен и для транслингвальных авторов постсоветского пространства. В качестве примера можно привести творчество М.В. Глостановой. Ее первый исповедально-автобиографический роман в новеллах, получивший название «В вашем мире я прохожий», поднимает целый ряд вопросов о гендере, сексуальности, взрослении, табу и многом другом и отчасти восходит к эстетике натуральной школы, более того — она физиологична и очень интимна. Несмотря на отсутствие явственного этнического субстрата, поиск идентичности, граничащей с юнгианской самостью,

⁵ Каирбеков Б. Дневник. Алматы : Интерпринт, 2003. 224 с.
Kairbekov B. Dnevnik. Almaty : Interprint, 2003. 224 s.

явлен в этом романе выпукло. Мы согласны с позицией Альворадо, размышляющего о «невидимых транслингвальных перспективах текста» и настаивающего на их присутствии в тексте априори.

М. Пажевич дает транслингвальной литературе альтернативное определение: экзофонная. На материале творчества Йоко Тавада исследователь демонстрирует, как экзофония помогает нам увидеть, насколько языковые структуры детерминированы нашими моделями мышления. Исходя из особенностей языка совершенно иного типа (японского), Тавада креативно преобразует язык своего творчества — немецкий, что позволяет немецкоязычной аудитории увидеть ее родной японский совершенно новыми глазами. Пажевич отмечает, что транслингвальное письмо — способ осмыслить, насколько языковое мышление обусловлено контекстом культуры, и приобщиться к новому мировоззрению [24. Р. 294].

Наблюдения М. Пажевич перекликаются с системной лингвистикой русского ученого Г.П. Мельникова и его позицией в отношении изучения русскоязычной литературы: « <...> Сам факт, что писатель, не будучи русским, поднимает тебя выше, чем некоторые кровные русские — это уже само по себе замечательно! <...>». Для ученого было важно ответить на вопрос: каким образом «тюркская статичность передается через русскую динамичность, и мы приобретаем к образности и переживаниям, мироощущению, который есть у тюркских народов»?⁴

Лингвистическая концепция Г.П. Мельникова коррелируется с концепцией КосмоПсихоЛогоса Г.Д. Гачева. Оба подхода перспективны для осмысления системных отношений внутри иноязычного текста и когнитивных паттернов этнических коллективов, выработанных в процессе освоения природной реальности, объединенных на основе языка.

На периферии российского региона, как и на периферии античного: Эллады и Рима, <...> складывается и растет-крепнет могучая культура — творчество. Она — на русском языке, но и сверх-русская (иль «недорусская», как иные считают пуристы?). Использовал мировой Дух (Гегеля если схемой воспользоваться) для своих целей русский язык и его великую литературу — и пошел сим Словом орошать и плодотворить; а новообращенные в него свою живую кровь и Эрос вливают. Так что русский язык перестал совпадать с Россией. И давно уже этот процесс идет... [25. С. 613].

К.М. Ким и Г. Парк утверждают, что транслингвальные практики — это прекрасный способ ревитализации эритажной культуры. Они демонстрируют это на примере собственного образовательного кейса, когда студентам (англоязычным корейцам) демонстрируются жанры классической корейской литературы как элементы «культуры наследия». С помощью поэтического жанра сидзё, наполняемого автобиографическим содержанием преподавателя (Г. Парка), транслируется так называемый «транснациональный опыт», призванный интенсифицировать «значимую грамотность» обучающихся [26. Р. 281]. Подробнее о нашем видении процесса ревитализации культуры посредством языка-посредника [27].

Так что же такое транслингвизм и, соответственно, транслингвальная литература? В нашем обзоре (ограниченном в силу объема статьи) мы столкнулись с различными подходами:

- творческое кросскультурное письмо;
- выбор писателем языка из его би- или полилингвального репертуара, отвечающий его мотивации и потребностям;
- литературный стиль, связывающий культурные поля, между которыми происходит «внутренняя миграция» автора;
- примета нового витка развития общества, интенсивно проживающего транскультурные, транснациональные процессы и пытающегося переосмыслить опыт колониального прошлого;

⁴ Мельников Г.П. Из Стенограммы отчета заседания по защите канд. дис. У.М. Бахтикиреевой «Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики...». М., 22.12.1995. С. 11–14.

Melnikov, G.P. Iz Stenogrammy otcheta zasedaniia po zashchite kand. dis. U.M. Bakhtikireevoi "Khudozhestvennyye funktsii leksiki s natsional'no-kul'turnym komponentom semantiki...". Moscow, 22.12.1995. S. 11–14.

- вынужденная мера ретрансляции культурных смыслов через усвоенный язык, обусловленная внешними факторами (опыт писателей Карибского региона);
- экзотика — творчески преобразующая усвоенный язык когнитивными паттернами, детерминирующими язык «первичный»;
- двуканальное сосуществование эритажного фонда этноса и языка, ставшего для этого этноса новой коммуникативной реальностью;
- новый культурный «продукт», который может быть транспортирован из одной лингвокультуры в другую.

Как видим, единого подхода к толкованию транслингвизма на сегодня нет. «Общим местом» у ряда исследователей остается лишь то, что художественный транслингвизм всегда предполагает переход писателя от одной лингвосистемы к другой, не являющейся для него этнически первичной. Но даже в этом случае оценки феномена полярны: от вынужденной необходимости до способа преодолеть замкнутость монолингвального мышления, от экономической валидности продукта до попытки создать мир культурного и языкового многообразия.

Мы согласимся в этом случае с позицией С. Келлмана, утверждающего, что «каждый транслингвальный автор транслингвален по-своему». Ученый называет ряд факторов, которые влияют на мотивацию писателя избрать языком своего творчества язык усвоенный: это миграция, империализм (политический, военный, экономический или культурный), коммуникативная необходимость.

Некоторые языки мира — арабский, китайский, английский, французский, испанский — обещают доступ к гораздо более широкой читательской аудитории, чем, скажем, финский, кхмерский или таджикский. Носитель одного из последних, желающий написать бестселлер или просто зарабатывать на жизнь, может счесть благоприятным перейти на язык с большей валидностью [28. P. 341].

Однако «узы истории и общества» (Б. Андерсон), если рассуждать об империализме, тоже обусловлены различными причинами. Переживаемый различными современными обществами опыт постколониальной рефлексии (в индийской, африканской, латиноамериканской и др. культурах) не может быть адекватно применен к опыту постсоветских социумов, потому что империализм как историческая данность нашего региона отличен своими предпосылками. Когда новозеландский исследователь Ж. Кинг задается вопросом, почему постсоветские «русскоязычные» авторы не воспринимают русский конфронтационно, как «язык угнетателей», опираясь на кейс известного кенийского автора Нгуги Ва Тионго, значимость указанных причин становится очевидной [29].

И тут следует вспомнить тезис М.В. Тлостановой касательно «имперского различия». Российская империя никогда не относилась к империям классического типа [1], геоисторическая и геокультурная логика, в условиях которой она развивалась, выработала уникальный способ первоначального накопления капитала. В силу неимения заокеанских колоний, в качестве рабочего ресурса использовалось собственное крестьянство, однако исторический опыт крепостничества оказался в диахроническом аспекте относительно кратковременным, если сравнивать его с рабовладельческим опытом европейских держав. С учетом того, что крепостные представляли собой этническое большинство, нецелесообразно говорить о том, что в России действовал тот же расовый стратификатор, что и в имперско-колониальных конфигурациях западной современности. Может ли в этом случае русский язык расцениваться как «культурная бомба», заставляющая нас забывать о своих именах и уничтожающая нас изнутри?

Этнически нерусские авторы писали и продолжают писать на русском, однако, как справедливо подчеркивает Мурат Ауэзов, «не по-русски». По М.В. Тлостановой, Ауэзов — человек транскультурного пограничья, знающий больше, чем только западное или только восточное; внутри него происходит беспрестанный диалог и двойная критика. Но его связь с русским языком уникальна и не сравнима с воинствующим отказом от языка в духе Одри Лорд, писавшей о невозможности разрушить хозяйский дом в нем же заложенными инструментами. Скорее, эта позиция трикстера,

создающего мир заново путем называния его «черепков» [30]. А. Моль в работе «Социодинамика культуры» пишет, что расшатываются концептуальные схемы раз и навсегда созданного мира, поскольку постиндустриальное общество «мозаично». Индивид погружен в перекрестные потоки информации, в результате чего цельная картина мира оказывается раздробленной и каждый раз собирается заново [31]. Об этом рассуждает и Э. Тоффлер в книге «Третья волна»: человек собирает и пересобирает мир заново из «черепков» культуры, которые он унаследовал [32]. Творчество М.М. Ауэзова освобождает сознание от уз predeterminedности (в том числе культурно-языковой) и возвращает читателю достоинство и способность уважать Другого. В этом нет деколониальной, «постколониальной» ярости; напротив, проявляется мощный стимул к ре-экзистенции, воссозданию позитивных жизненных моделей, преодолевающих несовершенство и несправедливость мира [30].

Мы не воспринимаем русский (и любой другой «имперский») язык как «культурную бомбу», потому что получаем возможность окунуться в мир невероятного культурного калейдоскопа, универсумов разных народов, самобытных культур, способов осмысления окружающего их «вещного» пространства.

Литература, созданная этнически нерусскими авторами на русском языке, бесспорно, транслингвальна и шире — транскультурна. Латинский префикс «транс» вбирает такие смысловые компоненты, как «за», «по ту сторону», «на той стороне», «через», «на другую сторону». В условиях гетерогенного по своему составу мирового общества транскультурация видится одной из наиболее продуктивных стратегий этнокультурного «самосохранения». Наличие и успешное функционирование этого феномена бросает вызов монокультурной природе конструкта «нация-государство» с его мифической идеей о чистой культурной идентичности. Полагаться на гумбольдтовский тезис о том, что «язык — это дух народа» становится проблематичным, поскольку сама история выдвигает к нему ряд антитезисов. Существовали ли этнически гомогенные государства в истории человечества с поступательной реализацией экстенсивного, экспансивного паттерна — в эпоху Римской гегемонии, великого переселения народов, географических открытий? Этой гомогенности нет и в современном мире с его интенсивными миграционными процессами, в котором функционирует модель виртуального социума, преодолевающая любые расстояния с помощью сети Интернет. Как отмечает С. Канагараджа, «Эта идеология языковой чистоты и автономии противоречит повседневной практике, когда языки находятся в постоянном контакте и смешиваются, порождая новые грамматики и новые значения. Общаясь, люди берут, что им нужно, из разных кодов и семиотических ресурсов, не ограничиваясь знаками одного языка. Конечно, по мере использования в конкретной местности эти разные коды оставляют отпечаток в грамматиках и употреблении и образуют свою специфику» [33].

Культура (в общем смысле), как подчеркивает Л.П. Дианова, это явление нелинейного порядка.

В ней действуют разнонаправленные силы, создающие своеобразный *Perpetuum mobile* всей системы — антиномии. Процесс глобализации неминуемо влечет за собой противонаправленный ему процесс усиленной этнической самоидентификации, который срабатывает как защитный механизм культуры, сохраняющий ее генетический код. Как итог, мы имеем дело сегодня и с гибкостью (флексibility), и с повышенной резистентностью культурных границ. Об этом свидетельствуют явления разного порядка, в частности такие феномены, как транскультурация и транслингвизм, «внутри» которых получают развитие художественные домены: «литература содружества» (*Commonwealth Literature*), постколониальная литература (*Post-Colonial Literature*), транслингвальная литература (*Translingual Literature*) [34. С. 522].

И если для западного эпистемологического дискурса в определенном смысле они образуют синонимический ряд, то для постсоветского пространства это категории разного порядка. Действительно, транслингвизм в западном дискурсе сопряжен с указанными понятиями в силу определенной исторической логики, которая к нашей реальности неприменима. Хотя многие из них, такие, как *Commonwealth Literature* (литература содружества), критикуются. Несостоятельность термина *Commonwealth Literature* С. Рушди усматривает в его неспособности служить объективной репрезентации реалий современности; термин манифестирует идею подчинения Другому через колониальный подтекст: “*Commonwealth Literature does not exist*” [35].

Осмысление термина «транслингвизм» в российском научном дискурсе обусловлено иной логикой — географической, культурно-исторической и языковой. Многоязычие, транскulturация и транслингвизм сопутствовали российскому государству с давних времен: о сосуществовании не менее 12 племенных союзов упоминается еще в «Повести временных лет». Образование смешанных языковых регионов с происходящими внутри них би- и транслингвальными процессами — закономерный процесс. Как правило, автохтонные языки не выдерживали этапа жесткой селекции: в условиях культурного преобладания одного этноса над другими сфера их использования была ограничена, а носители со временем переходили на язык «победителя».

Необходимо учитывать, что термин *транслингвизм* в строгом смысле гиперонимичен и обслуживает наши интересы исключительно как родовое понятие, требующее более четкой видовой дифференциации с точки зрения языка овнешнения (русского) и того богатого этнического материала, который получает экстериоризацию через этот язык. Как *гипоним* в сложившейся родо-видовой классификации целесообразно рассматривать *русскоязычие*. Однако к термину «русскоязычие» современные исследователи (в частности, см., [2]) относятся критически. Как справедливо подчеркивается в работе [2. С. 12]: «русские писатели, классики и современники, как и создающие свои произведения на русском этнически нерусские авторы, вполне могут быть классифицированы как русскоязычные и русскопишущие».

В качестве альтернативного определения мы предлагаем термин «русскофонная литература». Подразумевается, что в оболочке русского слова в художественном тексте репрезентированы образы мира, апеллирующие к национальной культуре того или иного писателя. Обе языковые картины мира — исходная, этническая и русская создают разные «сплетения»⁵, в результате чего рождаются новые образы мира, эстетически усложненные и аутентичные.

Кода

Инонационально-русский билингвизм и трансязычные процессы в литературе и советском социуме, затем в мультикультурном российском и шире — постсоветском мире имеют свои параметры измерения, которые не сводимы в постколониальную теорию. Постсоветский художественный «мир-целостность», состоящий из этнически гетерогенных социумов, произрос из единой историко-культурной советской общности и продолжает «коллективное событие» на основе общего языка, но сохраняя при этом непрозрачность, «инаковость» каждой национальной культуры, транслируемой на русском. А так как каждый транслингвальный автор «транслингвален по-своему», мы продолжаем исследования в области *онтологии иноязыкового бытия* конкретных би-, транслингвальных личностей, предзаданные Вяч. Вс. Ивановым, в частности — в «Языковой биографии личности» [14. С. 123–127]. Вероятно, что каждая языковая биография расскажет нам о явлении транслингвизма больше, чем абстрактные теории и модели. Опыт русскофонной транслингвальной литературы, начавший свою официальную историю с восторга А.С. Пушкина: «Вот явление неожиданное в нашей литературе!» (1836)⁶, нуждается в новых исследованиях, ее поли(русско)фония занимает свое особое место в общем оркестровом многоголосии мировой трансязычной литературы, являясь уникальным откликом на глобализацию с ее унифицирующими процессами глоболокализации. И потому важно преодолевать ограничения академиче-

⁵ Э. Глиссан говорит не только о «праве на различие, но и о праве на непрозрачность, понимаемую не как закрытость внутри непроницаемой авторитарической культуры, но как утверждение своей особой сущности в рамках неуничтожимой уникальности. Непрозрачности могут взаимодействовать, сосуществовать, сплетаться в разные узоры. Чтобы понять это явление, надо сосредоточиться на фактуре сплетения, а не на природе его компонентов» (Glissant, 1990) [Цит: по 1].

⁶ «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить <....>». URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0436sovr/0946.htm>

ских форм знания, переосмысливать традиционный инструментарий филологии, который пока сохраняет свой императив в отношении исследуемого нами объекта.

Литература / References

1. Тлостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: URSS. 2004. 416 с.
Tlostanova, M.V. Post-Soviet Literature and the Aesthetics of Transculturation. Living Never, Writing from Nowhere. Moscow, URSS. 2004. 416 p.
2. Бахтикиреева У.М. Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. Вып. 1. С. 11–17.
Bakhtikireeva, U.M. Russophone — Russophonic — Russophony — Russophonic literature — are the words global or local? Social and Human Sciences in the Far East. 2021. Vol. 18. Iss. 1. P. 11–17
3. Weininger, M. Language Politics: The Boundaries of Homeland and Translingual Israeli Literature. *Studies in The Novel*. 2016. No. 48 (4). P. 477–493.
4. Larson, W., Liu, L.H. Translingual practice: Literature, national culture and translated modernity — China, 1900–1937. *Journal of Asian Studies*. 1996. No. 55 (4). P. 989–990.
5. Lee, K.J. An overview of Korean/Asian American literary studies in Korea, 1964–2009. *Inter-Asia Cultural Studies*. 2012. No. 13 (2). P. 275–285.
6. De Donno, F. Translingual Affairs of World Literature Rootlessness and Romance in Jhumpa Lahiri and Yoko Tawada. *Journal of World Literature*. 2021. No. 6 (1). P. 103–122.
7. Amiri, L. 'Khalas! Literature is the resistance against politics, and this is the politics of literature': an interview with Atiq Rahimi. *Journal for cultural research*. 2019. No. 23 (2). P. 202–214.
8. Rahimi, A. Writing Exile. *Journal for Cultural Research*. 2019. No. 23 (2). P. 215–219.
9. Dorfman, D. The Weight of National Identity. Nation and Tradition of Translingual Writers. *Lingüística y Literatura*. 2021. No. (80). P. 69–81.
10. Qi, S.H. Anxiety, Angst, and the Search for Hardy's Chinese Tw[aj]in. *Literature Compass*. 2016. No. 3 (3). P. 149–161.
11. Allan, M. Scattered Letters Translingual Poetics in Assia Djebar's *L'Amour, la fantasia*. *Philological Encounters*. 2016. No. 2 (1-2). P. 80–198.
12. Pu, R.Q., Li, H.F. The Translingual Expressions in Overseas Chinese English Writings. *Interdisciplinary Studies of Literature*. 2019. No. 3 (2). P. 257–271.
13. Kellman, S.G. What is Translingual Literature? *American Book Review*. 2014. No. 35 (5). P. 6.
14. Иванов Вяч. В. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. II (главы 11–21). М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
Ivanov, Vyach. Vs. Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future. II (Chapters 11–21). Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 208 p.
15. Валикова О.А., Шагимиреева Б.Е., Кулиева Ш.А. Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Кайрбекова // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 230–249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16
Valikova, O.A., Shagimireeva, B.E., Kulieva, Sh.A. Space in the Logos: Translingual Poetry of Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. New Studies of Tuva. 2020. No. 4. P. 230–249. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.16
16. Sorvari, M. Altering language, transforming literature: Translingualism and literary self-translation in Zinaida Linden's fiction. *Translation Studies*. 2018. No. 11 (2). P. 158–171.
17. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: Наследие, 2000. 399 с.
Tlostanova, M.V. The Problem of Multiculturalism and the Literature of the United States at the End of the XX Century. Moscow: Heritage. 399 p.
18. Dutton, J. World Literature in French, Litterature-Monde, and The Translingual Turn. *French Studies*. 2016. No. 70 (3). P. 404–418.
19. Wang, B. Translingual practice: Literature, national culture, and translated modernity. *Comparative Literature*. 1997. No. 49 (3). P. 283–285.
20. Zhuchkova, A.V. Look into the Eyes of the Beasts. Book Review: Yakhina G.Sh. Zuleikha Opens Her Eyes. Moscow: AST, 2015. 108 p. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2020. Vol. 17. No. 4. P. 571–582. DOI: [10.22363/2618-897X-2020-17-4-571-582](https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-571-582)
21. Мамардашвили М.К. Законы инакомыслия // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 85–93.
Mamardashvili, M.K. The Laws of Dissent. Here and Now. 1992. No. 1. P. 85–93
22. Лейдерман Н.Л. Спасать литературу — спасаться литературой (о статусе предмета «Литература» в российской школе) // Мир русского слова. 2002. № 3 (11). С. 58–66.
Leiderman, N.L. To save literature is to be saved by literature (about the status of the subject "Literature" in Russian schools). The World of Russian Word. 2002. No. 3 (11). P. 58–66.
23. Alvorado, L.Y. Beyond Nation: Caribbean Poetics in Pedro Pietri's "Puerto Rican Obituary" And Kamau Brathwaite's "Islands and Exiles". *Centro Journal*. 2010. No. 22 (2). P. 50–73.
24. Pajević, M. Adventures in Language: Yoko Tawada's Exophonic Explorations of German. *Oxford German Studies*. 2019. No. 48 (4). P. 494–504.
25. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. М.: Издательский сервис, 2002. 784 с.
Gachev, G.D. National Images of the World. Central Asia. Moscow: Publishing Service, 2002. 784 p.
26. Kim, K.M., Park, G. "It Is More Expressive for Me": A Translingual Approach to Meaningful Literacy Instruction Through Sijo Poetry. *Tesol Quarterly*. 2020. No. 54 (2). P. 281–309.
27. Бахтикиреева, У.М., Валикова, О.А. Translingualism and revitalization of culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 57–63. DOI: [10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63)

28. *Kellman, S.G.* Literary Translingualism: What and Why? *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2019. Vol. 16. No. 3. P. 337–346. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346
29. *Bakhtikireeva, U.M., Valikova, O.A., King, J.* Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 116–121. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121
30. Встречи с Мадиной // Тамыр. 2013. No. 30. URL: <http://tamyр.org/?p=1771>
Meetings with Madina. Тамыр. 2013. No. 30. URL: <http://tamyр.org/?p=1771>
31. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: URSSR, 1973. 408 с.
Moles, A. The Sociodynamics of Culture. Moscow: URSSR, 1973. 408 p.
32. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 800 с.
Toffler, A. Third Wave. Moscow: AST, 2010. 800 p.
33. *Канагараджа С.* Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (50). С. 10–21.
Kanagaraja, S. Multilingual pedagogy of the neoliberal time: clearing the territory and planning forward movement. *Social and Human Sciences in the Far East*. 2017. No. 2 (50). P. 10–21.
34. *Dianova, L.P.* Culture in Transposition: Review on “Translinguism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb?” By U. Bakhtikireeva, O. Valikova, and J. King. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2017. Vol. 14. No. 3. P. 521–525. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-3-521-525
35. *Rushdie, S.* Commonwealth Literature Does Not Exist. Reprinted in *Imaginary Homelands: Essays and Criticism*. L.: Granta Books in association with Penguin Books India, 1991. P. 47–65.

Бахтикиреева Улданай Максутовна,
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российский университет дружбы народов

Bakhtikireeva Uldanai M.,
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department No. 7 of the Russian Language Institute Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: uldanai@mail.ru

Валикова Ольга Александровна,
PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российский университет дружбы народов

Valikova Olga A.,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department No. 7 of the Russian Language Institute Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: leka.valikova@mail.ru

Токарева Надежда Андреевна,
старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российский университет дружбы народов
e-mail: tokareva_nadia@mail.ru

Tokareva Nadezhda A.,
Senior Lecturer of the Department No. 7 of the Russian Language Institute Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: tokareva_nadia@mail.ru

